

История закрытия нашего прихода в тридцатых годах двадцатого века.

Русская Православная Церковь подверглась в XX веке жесточайшим гонениям. Она явила христианскому миру великий сонм подвижников благочестия, мучеников и исповедников.

В процесс дискредитации Православия были включены все государственные инструменты. В первую очередь это была информационная война. В то время население больше всего доверяло газетам. Кроме наглого вранья про Церковь в газетах, применялись и другие методы. Начиная от материального поощрения лжесвидетелей - доносчиков, кончая пытками арестантов для получения «признательных» показаний в органах ОГПУ-НКВД.

Какими же крепкими моральными устоями надо было обладать, чтобы отстаивать Православие в то страшное время.

Для большинства служителей Церкви путь скрытого предательства оказался столь же неприемлем, как и путь открытого отречения. Они понимали, что предательство своих братьев равносильно отречению от самого Христа: «Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25, 40). Поэтому, страдания вызванные отказом лжесвидетельствовать равноценны страданиям за самого Христа. По этой причине можно, без всякого сомнения, считать всех христиан, пострадавших за отказ как-либо служить советской власти в деле насаждения безбожия, мучениками за Христа. Их страдания — результат принятия Евангелия во всей полноте. Им предлагали делать то, что было противно их христианской совести, именуя это «борьбой с церковной контрреволюцией». Они предпочли смерть. В этом величие их подвига и его смысл.

**Исследователи оценивают общее количество пострадавших только за
Веру в СССР числом около миллиона человек.**

Гонения начались вскоре после октябрьского переворота 1917 г. Первомучеником русского духовенства стал царскосельский протоиерей Иоанн Кочуров. В конце октября 1917 года отец Иоанн совершал с прихожанами моление об умиротворении России. Он организовал крестный ход с молитвами о прекращении междоусобной брани. После захвата Царского Села красноармейцы схватили священника и зверски убили за то, что он призывал народ не участвовать в революции. 25 января 1918 г. в Киеве пытали и убили митрополита Владимира - это был первый мученик из числа архиереев.

Вслед за святыми мучениками Иоанном и Владимиром последовали другие. Жестокости, с которой красноармейцы предавали их смерти, могли позавидовать палачи Нерона. В 1918 г. три иерея в Херсоне были распяты на крестах. Епископа Соликамского Феофана (Ильинского) в тридцатиградусный мороз вывели на замерзшую реку Каму, раздели донага, сплели волосы, связали

их между собой и, продев через них жердь, стали медленно опускать его в прорубь, с тем чтобы спустя полминуты вновь поднять его над прорубью и вновь опустить. Святителя многократно погружали в ледяную прорубь реки Камы. Через 15 минут тело владыки Феофана покрылось льдом толщиной в два пальца, но он все еще оставался жив. Тогда палачи его утопили. Многочисленные свидетели видели весь этот ужас. Представителей духовенства, которых часто убивали таким изощренным способом, красноармейцы шутливо называли «водолазами».

Не менее зверским способом предали смерти епископа Михайловского Исидора (Колоколова). В 1918 г. в Самаре его посадили на кол.

Страшной была кончина других архиепископов: епископа Пермского Андроника закопали живым в землю; архиепископа Астраханского Митрофана (Краснопольского) сбросили со стены; архиепископа Нижегородского Иоакима (Левицкого) повесили вниз головой в севастопольском соборе; епископа Серапульского Амвросия (Гудко) привязали к хвосту лошади и пустили ее вскачь... его келейник иеродиакон Иов (Протопопов) нашёл тело владыки, брошенное лицом вниз, простреленное и проткнутое штыком в спину насквозь с вывернутыми при жизни обеими руками.

Смерть простых священников была не менее страшной. Семидесятидвухлетнего священника Павла Калиновского забили плетью... Заштатного священника отца Золотовского, которому шел уже девятый десяток, нарядили в женское платье и вывели на площадь. Красноармейцы требовали, чтобы он танцевал перед народом; когда же он отказался, его повесили... Священника Иоакима Фролова сожгли заживо за селом на стогу сена...

Как в древнем Риме, казни часто были массовыми. С декабря 1918 г. по июнь 1919 г. в Харькове было убито семьдесят иереев. В Перми были обнаружены тела сорока двух священнослужителей. Их нашли закопанными в саду семинарии. Многие были со следами пыток. В Воронеже в 1919 г. было одновременно убито 160 священников во главе с архиепископом Тихоном (Никаноровым), которого повесили на Царских вратах в церкви монастыря Святителя Митрофана Воронежского, а семь инокинь были сварены заживо в котлах с кипящей смолой.

В нескольких городах были расстреляны Крестные Ходы.

Массовые убийства происходили повсеместно. Сведения о казнях в Харькове, Перми и Воронеже дошли до нас только потому, что эти города на короткий срок занимала белая армия. В 1918 г. в России было 150 тысяч священнослужителей. К 1941 г. из них было расстреляно 130 тысяч. В сталинский период палачи начали вести статистику репрессий. В ленинский период всё это совершалось без «суда» и не фиксировалось документально.

Давайте попробуем восстановить историю того, как всё это коснулось прихода нашего храма Вознесения Господня во Владимире.

В начале 1930 года ОГПУ СССР получило задание по усилению выявления контрреволюционных группировок в связи с трудностями процесса коллективизации и проблемами со снабжением населения продовольствием⁷. Проще говоря, требовалось показательно уничтожить группу «бывших» людей с ленинской целью: «Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше»⁶. Шла государственная борьба с «кулачеством» и «колхозное строительство». Надвигался голод. Были нужны «виноватые». К осени 1930 года во Владимире ОГПУ были составлены списки двух таких «контрреволюционных групп». Видимо принципами их формирования были: «классовая принадлежность» и «массовость собраний». В это время уже не

могло быть речи об оппозиции советской власти и «контрреволюции». Этот повод в качестве обвинения предъявлялся лишь формально. Репрессировали людей, которые реально или потенциально, с точки зрения властей, были несогласны с советской властью.

В первом списке оказалась знакомые и друзья семьи Алякринских. У них дома часто проводились «вечера», где собравшиеся общались и устраивали любительские концерты. Они были арестованы в конце сентября — начале октября 1930 года. По «делу» кроме «белых офицеров и дворян» «проходили» три представителя духовенства: Соколов Михаил Иванович, Зотиков Илья Иванович и Лебедев Михаил Петрович. Сначала арестовали клириков других приходов — священников Соколова М.И. и Зотикова И.И. Позднее арестовали и архидиакона М.П. Лебедева, служившего в нашем приходе. В протоколах его допросов записано, что выдвинутые обвинения он не признаёт. Про других обвиняемых он свидетельствует, что «все эти лица настроены не против советской власти».

**Ударные темпы —
Вот наш ответ**

Печатаемое нами сегодня сообщение от ПП ОГПУ Ивановской Промышленной области о раскрытии и ликвидации контрреволюционной белогвардейской организации — остатка организации „Спасения родины и революции“, говорит за то, что белогвардейская свора, оставшаяся на территории Советского Союза, все еще питает надежды на восстановление старого порядка, на восстановление „диктатуры фашизма“ и т. д.

Они — черносотенцы, полковники, дворяне, помещики, кадеты, полицеймейстеры личной охраны Николая Кровавого, архиепископы и др., активно готовились к восстановлению „диктатуры фашизма“, они пролезали в наши аппараты и занимались там вредительством, тормозя успешное, развернутое социалистическое наступление

Тем не менее они были приговорены к расстрелу. Их убили 23 октября 1930 года на территории Богородице-Рождественского монастыря, которую занимало тогда ОГПУ.

28 октября во владимирской районной газете «Призыв» были размещены несколько статей о ликвидации «белогвардейской организации», которая

готовилась «к восстановлению диктатуры фашизма». В числе прочего сказано: «Они пытались помешать выполнению пятилетки в четыре года». В публикации дан список из двадцати двух «активных участников организации», приговоренных к расстрелу. «Кроме того, приговорено к высшей мере социальной защиты - расстрелу, еще пять обвиняемых. Но в виду наличия данных, позволяющих судить о их исправлении, расстрел заменен 10 годами строгой изоляции. Остальные участники контрреволюционной организации приговорены в концлагеря на разные сроки»². Полный список осужденных дан в Приложении.

Вот судьба одной из них:

Мария Александровна Забелина родилась в 1894 году в Москве, в дворянской семье. Окончила в 1918 году высшие женские курсы. Затем работала в Коврове в школе. Потом переехала во Владимир и трудилась делопроизводителем в губернском здравоохранении. Вышла замуж за известного в городе врача Александра Николаевича Забелина, который в 1920 году был признан виновным в агитации против Советской власти и осужден к заключению. Но менее чем через год был освобожден и передан в распоряжение «губздравотдела» с лишением права занимать ответственные должности. Причиной освобождения видимо было то, что он по работе боролся с эпидемией сыпного тифа. В 1922 году А.Н. Забелин сам заразился и умер от тифа. Став вдовой, Мария Александровна работала воспитательницей во Владимирском неврологическом санатории и учительницей во Владимирском рабфаке. 18 сентября 1930 года М.А. Забелина была арестована, обвинена в том, что «входила в контрреволюционную организацию. Установила контрреволюционную связь с белоэмигрантами». В действительности она переписывалась со своим младшим братом, бывшим царским офицером, эмигрировавшим во Францию и проживавшим в Париже. Постановлением «тройки» М.А. Забелина была осуждена к высшей мере социальной защиты – расстрелу. Её жизнь оборвалась в 36 лет - 23 октября 1930 года на территории бывшего Рождественского монастыря, что в центре Владимира. Захоронена там же.³

Судьбы служителей Церкви, расстрелянных в составе первой группы:

Иерей Соколов Михаил Иванович, родился в 1866 году в Коломенском уезде Московской области. В 1891 году окончил Московскую Духовную Семинарию. С 1920 года был священником в селе Ильинское Воскресенского уезда Московской области. В 1927 году был выслан на 3 года по постановлению Коллегии ОГПУ за найденные у него копии «Соловецкого послания». В 1929 г. управляющим Владимирской епархией епископом Павлом утвержден «временно исполняющим обязанности по совершению треб и церковных служб от Мироносицкой общины при Иоанно-Богословской г. Владимира церкви с выделением половины дохода семье о. Иоанна Солертовского, административно-высланного из г. Владимира». 26 августа 1930 г. у отца Михаила закончился срок трехгодичной административной ссылки, в связи с чем он делал запрос в ОГПУ. 17 сентября 1930 года был арестован. На допросе

отец Михаил объясняет следствию, что «с обновленцами во взглядах я не согласен, потому что они ввели женатый епископат, разрешили попам второй раз жениться, низложили Патриарха». 19 октября приговорен к расстрелу. 23.10.1930 расстрелян. Реабилитирован в 1959 году.

Протоиерей Зотиков Илья Иванович, родился в 1868 году в семье священника в местечке Тойбола Кустенёвской губернии в Финляндии. Окончил Санкт-Петербургскую Духовную Академию. С 1895 по 1910 годы служил в Алеутской и Северо-Американской епархиях. Потом служил в разных храмах Санкт-Петербурга и Москвы. Был ризничим в Храме Христа Спасителя. В 1922 году осужден по делу об изъятии церковных ценностей. 1 июля 1927 года приговорён к высылке из Москвы за хранение «Соловецкой декларации». 13.10.1930 арестован. 19.10.1930 приговорен к расстрелу. 23.10.1930 расстрелян. Реабилитирован в 1959 году.

Лебедев Михаил Петрович родился в 1895 году в Петергофе. Его биография очень интересна. После окончания сельской школы он поступил на

обучение певческому мастерству в хор Свято-Троицкой Сергиевой Приморской пустыни в Стрельне. После окончания обучения отец Михаил стал служить диаконом в петроградской церкви Успения Божией Матери на Сенной площади. Служил он там с 26 февраля 1915 по 17 июля 1923 года¹. Ему был присвоен чин протодиакона.

В этот период жизни отцу Михаилу пришлось сделать личный выбор - по какому пути идти. Принять путь обновленчества, которому последовали очень многие, или стоять за Православную церковь вместе со святителем Тихоном. В Петрограде обновленцы захватили большинство

храмов. Выбор другого пути был связан с потерей возможности не только служить в церкви, но вообще означал - противопоставить себя государству. В то тяжелое из-за экономической разрухи время отец Михаил не принял обновленчество с его «демократическими» принципами. Не принял предложенный ему, как и всем, лёгкий выбор: «Вот государство поощряет новую, живую церковь. Перейди в неё и живи себе дальше как жил». На самом деле государство делало это специально, чтобы сначала расколоть Церковь, а потом уничтожить все «осколки». Поэтому уже сам по себе такой поступок - стоять в Вере крепко - являлся исповедническим. Такой выбор сделали исповедники, хорошо знавшие Церковные Каноны и видевшие в чём обновленчество их нарушает.

В соответствии с циркуляром народного комиссариата юстиции № 254

было запрещено поминовение на церковных богослужениях лиц, находящихся под судом, «в частности, в отношении гр. Белавина»: *«Поскольку такое чествование, выражающееся в упоминании имени данного лица в публичных молитвах, проповедях и т.п., с присоединением к этому звания, по состоянию в котором это лицо совершило вменяемое ему преступное деяние, носит характер явной политической демонстрации против рабоче-крестьянской власти или направляется с явным намерением возбудить в населении недовольство или дискредитировать власть, оно является деянием уголовно-наказуемым.»* Это говорилось о святителе Тихоне.

После этого сам Патриарх разрешил не помянуть себя. Но отец Михаил продолжал это делать. Есть воспоминания архимандрита Феодосия (Алмазова) о борьбе Лебедева с обновленцами: «За нашими епископами в ссылку пошли еще несколько боевых протоиереев. Был дважды сослан даже протоиерей Михаил Лебедев». Когда в храм, где служил отец Михаил, приехал и совершал литургию активный обновленческий протоиерей Александр Боярский «на великом входе протоиерей Михаил Лебедев торжественно помянул полным патриаршим титулом Святейшего Патриарха Тихона...» После этого отец Михаил был выслан из Петрограда, но «сам Святейший Патриарх принял его в состав своего штата в Москве, он стал патриаршим протоиереем, заменившим архиерея Константина Розова.»¹ Теперь у государственных органов он был на учёте с пометкой: «административно-высланный за контрреволюционную деятельность».

В мае 1924 года отец Михаил совершил поездку в город Серпухов, чтобы подготовить приезд туда Святейшего. Сохранилась фотография, сделанная тогда в день святых Жен-мироносиц в Высоцком монастыре¹.

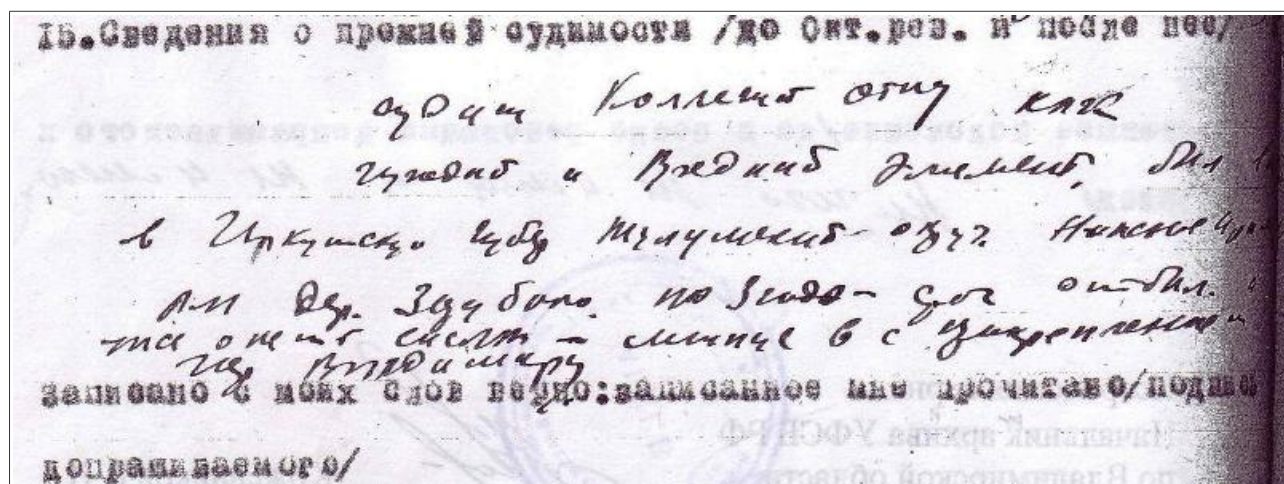
Визит патриарха Тихона в Серпухов происходил при большом стечении народа. В память о визите была сделана фотография у собора Николы Белого. На этой фотографии отец Михаил стоит с букетом белых цветов¹. Кстати, перед

ним стоит отец Илия Зотиков.

Люди, близкие к святителю Тихону, были особо ненавистны властям. Все они были скоро репрессированы. Куда бы в дальнейшем их ни ссылали, они будут всегда «под надзором органов».

Отец Михаил, ставший к этому времени архидиаконом, был арестован 6 сентября 1924 года вместе со священномучеником Александром Хотовицким как «активный церковник». В списке, составленном Тучковым (начальником 6-го отдела СООГПУ) 4 сентября, у фамилии отца Михаила была сделана приписка: «Личный диакон Тихона. Весьма популярен в Москве. Предан Тихону». В обвинительном заключении его вина сформулирована так: «Активный реакционный деятель Тихоновской церкви, социально вредный элемент»⁸.

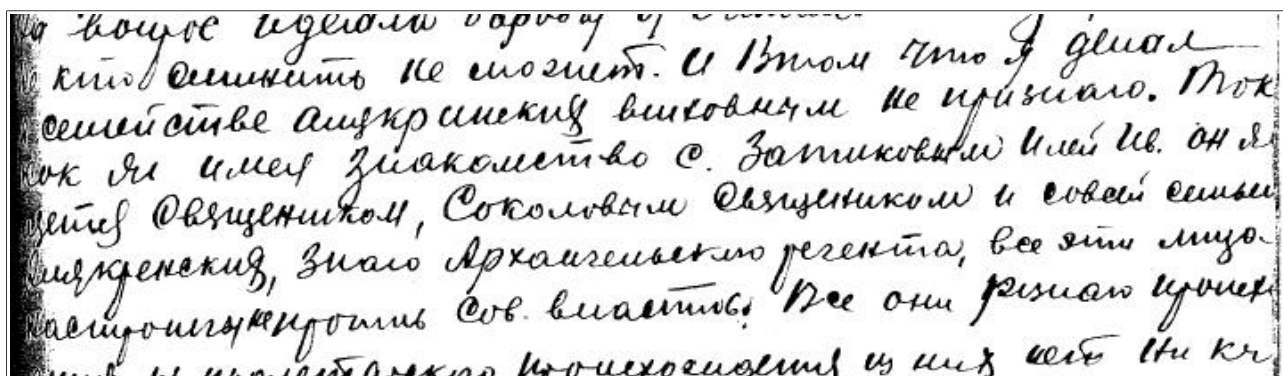

После суда его на три года высылали в Илимский край¹. По окончании ссылки в 1927 году он стал жить во Владимире. Здесь служил диаконом в Вознесенской церкви. Но опять был арестован и выслан в Иваново-Вознесенск. По возвращении в 1930 году во Владимир - продолжил служить в нашем храме.

Во Владимире он сначала жил на квартире Кукукина Спиридона Евсеевича - кузнеца, проживавшего по адресу: улица Летне-Перевозинская, 26. Затем он переехал со своей женой в дом регента хора нашего храма - Платонова

Ивана Ивановича - по адресу: Костеринский переулок, дом 21.

По некоторым данным это своё последнее земное служение Церкви отец Михаил совершал уже в иерейском чине⁸. То есть возможно, что он принял священнический сан. Но служение это опять было непродолжительным. 28 сентября 1930 года он был арестован. В протоколах допросов сказано: «виновным себя не признаю». Он не давал показания против конкретных людей, в том числе и против священнослужителей. Наоборот, там где стенографист хотел подделать показания, отец Михаил при прочтении текста протокола вставлял частицу **не**: «все эти лица настроены не против Сов. власти»¹

19 октября ему был вынесен приговор по статье 58-17: расстрел. Его жизнь оборвалась 23 октября 1930 года в стенах Богородицко-Рождественского монастыря. Реабилитирован в 1959 году⁸.

В память о погибших 23 октября 1993 г. на территории монастыря был

установлен памятный знак — Крест. Его авторы: архитекторы В. Константинов, А. Трофимов, В. Миронова и инженер А. Толмачёв. Памятный знак находится у западной стены, за Рождественским собором. На основании памятника слова: «Бог да упокоит души безвинно убиенных в земле владимирской». На этом месте производились убийства. А хоронили их тела в монастырском саду - у восточной стены.

На внешней стене монастыря установлена белокаменная табличка со словами: «На территории монастырского сада были тайно захоронены безвинно казнённые в годы репрессий».

27 октября 1930 года ОГПУ была арестована вторая группа «фашистов». Вот как пишет об этом внук регента хора - Сергей Владимирович Бирюков:

«В последний период своей жизни отец Михаил, занимаясь вопросами проведения служб в церкви Вознесения в г. Владимире, большое время уделял хору при церкви, в который входили жители города. Регентом хора был Платонов Иван Иванович, который с детства пел в церковных хорах, сначала в церкви Казанской иконы Божией Матери (Борисоглебской) Владимирского уезда Владимирской губернии, затем в Николо-Златовратской церкви во Владимире и наконец, после её закрытия, перешел в Вознесенскую церковь.

Для того чтобы более тесно взаимодействовать по делам хора Лебедев вместе со своей женой переселился в дом Платонова, в котором устраивались репетиции хора. Эти репетиции впоследствии были расценены ОГПУ как собрания, на которых критиковалась сов. власть. В состав хора входили люди разных сословий. Это и бывшие военные, купцы и рабочие. После расстрела Лебедева участники хора были арестованы 27 октября 1930 г. и им были предъявлены стандартные обвинения в антисоветской деятельности.

Членов церковного хора Серкина и Журба осудили на заключение в концлагере на 5 лет. Темтюгова, Платонова, Никитина, Клопова, Ионова, Фирсова, Трусова осудили на заключение в концлагере на 3 года. Григорьева и Покровского осудили условно»¹.

Из всех них известна дальнейшая судьба только Платонова Ивана Ивановича и Ионова Василия Алексеевича.

Иван Иванович Платонов был почётным гражданином г. Владимира.⁹ Известно, что до революции он был гласным в городской Думе. Гласными избирались наиболее уважаемые граждане. В собрании они обладали правом решающего голоса. Состав семьи Ивана Платонова на момент ареста в 1930 году был такой: жена Анна Ефимовна (48 лет), две шестилетние дочери, бабушка (80 лет). После ареста Ивана Ивановича его семья была лишена гражданских прав, дом в Кострином переулке у них был отобран, они были вынуждены уехать в г. Петушки и снимать там частное жильё⁸. По возвращении из лагеря в июне 1933 года Иван Иванович стал жить с семьёй в Петушках. Но жить ему не дали.

В Петушках он работал счетоводом в «Райпотребсоюзе» на железнодорожной станции. Как истинно верующий человек, Иван Иванович регулярно посещал местную церковь⁸.

6 ноября 1937 года он был арестован и обвинён в том, что *«будучи враждебно настроен к Соввласти, среди окружающих вел к/р агитацию»*. 15 ноября приговорён по статье 58-10 УК РСФСР к высшей мере наказания — расстрелу. Его убили 16 ноября 1937 года на «Бутовском полигоне». Из материалов дела видно, что так называемая *«к/р агитация»* Платонова состояла в том, что он критиковал новые постановки в театре оперетты г. Москвы, по сравнению с теми постановками, которые он видел в дореволюционных московских театрах. Кроме того, ему вменялось в вину, что он *«не покупал*

горох с червяками в магазине, дискредитируя этим советскую торговлю, а покупал горох на рынке в г. Покрове». То есть понятно, что были доносчики, которые это про него наговорили. В день расстрела Ивана Ивановича в Бутово было расстреляно 335 человек⁸. Реабилитирован он был государством в лице прокурора Владимирской области 6 апреля 1989 года по 1930 году репрессий и 4 июня 1992 года - по 1930 году репрессий.

Ионов Василий Алексеевич в 1935 году был приговорён к 10 годам лишения свободы и умер через 8 лет.⁹ Об этом сообщает его правнучка, проведшая большую работу по изучению его судьбы. Приведём её исследование подробно, так как по нему видно через что пришлось пройти участникам нашего церковного хора.

«...Владимирская область не была исключением из общего правила. Всё, что творилось в нашей стране, происходило и во Владимире. Власть всеми силами боролась с людьми, которых считала не только своими врагами, но и просто «социально чуждыми элементами». В итоге, к 1930 году, Василий Алексеевич Ионов окончательно отказавшись от попыток предпринимательства, оказывается рабочим на кирпичном заводе. И, кроме того, согласно конституции РСФСР 1925 года он – ещё и «лишенец».

Просматривая старые подшивки газет в областной библиотеке, я обнаружила статью в газете «Призыв» № 238 от 28 октября 1930 года под названием «ГПУ раскрыта контрреволюционная организация белых офицеров и дворян». Я упомянула об этой статье по той причине, что она напрямую относится к судьбе моего прадеда. Сейчас уже доподлинно известно, что подавляющее большинство дел о контрреволюционных заговорах и антисоветской деятельности, «раскрытых» сотрудниками ОГПУ – это дела фальсифицированные. К числу таких, безусловно, относится и то дело, информация о котором была опубликована в газете «Призыв» 28 октября 1930 года. Но работники ОГПУ на этом, конечно же, не остановились и практически сразу во Владимире последовали аресты людей, якобы в той или иной мере причастных к деятельности «раскрытой и уничтоженной» контрреволюционной организации. Среди арестованных оказался и мой прадед.

26 октября 1930 года начальник ОКРООГПУ подписал два документа: ордер № 3204 на производство обыска и арест Василия Алексеевича Ионova и постановление об избрании ему меры пресечения – содержании под стражей в домзаке. Моей бабушке в тот роковой для семьи день было чуть больше двух лет и, конечно же, она сама не помнит, что происходило в ту ночь в их доме, но по рассказам своей матери, она достаточно подробно смогла описать мне происходившее.

Их подняли среди ночи, грозно постучав в дверь. Всех находившихся в доме согнали в одну комнату, не пожалели даже спящего ребёнка. В квартире производили обыск. По словам мамы моей бабушки, всё время, пока шёл обыск, ребёнок плакал, это очень раздражало людей в форме, они ругались, обзывали женщину с девочкой нехорошими словами, но покинуть комнату Валентине Михайловне и уложить дочь в кровать не позволили до конца обыска. Потом

Василия Алексеевича увели, разрешив взять с собой только небольшой свёрток с бельём.

Наступила могильная тишина. В комнате, среди разбросанных вещей, осталась женщина с ребёнком на руках, так и не понявшая в тот момент, что её жизнь с этого времени полностью изменилась. И потянулись дни, недели, месяцы, годы неизвестности, тоски, ожидания и постоянного страха.

Видимо уместно будет отметить, что в те годы, о которых я рассказываю, домзак (иначе говоря – тюрьма) находился на территории Рождественского монастыря. Кроме того, за его стенами, построенными ещё в 18 веке, располагалось и владимирское ОГПУ.

Как я уже говорила, моего прадеда арестовали в составе целой группы лиц, которых обвиняли в причастности к деятельности так называемой контрреволюционной организации «Спасение родины и революции».

Непосредственно мой прадед был обвинён в том, что он говорил: «Соввласть грабит народ, кругом притесняют, в колхозы гонят крестьян насильно, раскулачивают неверно, потому, что кулаков среди крестьян нет... Настало крепостное право, скоро введут барщину, будем все работать на коммунистов, а они будут нами только распоряжаться... Накладываются большие налоги, в силу которых не представляется возможным заниматься частной торговлей и сколачивать частный капитал и такая проводимая политика приведёт страну к полному обнищанию...».

Для меня совершенно неудивительно, что мой прадед говорил именно так, но если даже и не говорил, если и эти материалы фальсификация работников ОГПУ, то я считаю, что думал, он, скорее всего именно так. Выходец из бывшей крестьянской семьи он, безусловно, понимал, что борьба с «кулаком» и создание колхозов это борьба с самой крепкой и работающей частью русского крестьянства. Бывший предприниматель, он естественно возмущался отсутствием возможности нормально работать, создавать и развивать своё дело. А как нормальный русский человек, родившийся и воспитывавшийся в старой России, он просто не мог, да и не хотел разрывать отношения со своими друзьями и знакомыми только потому, что они, как и он сам, относились к категории «бывших».

Из всего сказанного, конечно же, понятно, почему: «Ионов Василий Алексеевич, 1886 года рождения, сын крупного торговца, сам также бывший торговец, бывший офицер-прапорщик, домовладелец, беспартийный, со средним образованием, лишён избирательных прав, не судившийся, виновным себя в предъявленном обвинении не признал».

Следствие по делу моего прадеда и его товарищей по несчастью было недолгим. 12 ноября 1930 года обвинительное заключение, составленное Уполномоченным Особого Отделения ОГПУ 14-й стрелковой дивизии, было направлено на рассмотрение тройки при ПП ОГПУ по Ивановской промышленной области, а 18 ноября тройка уже вынесла своё постановление: «Слушали: дело... по обвинению Ионova В.А и др. по ст. 58/10 и ст. 58/11 УК...

Постановили: ... ИONOBA Bасилия Алексеевича... заключить в концлагерь сроком на 3 года..., считая срок с 27.10.1930 года».

Где находился лагерь, в котором отбывал свой срок Василий Алексеевич, я не знаю. Но практически доподлинно можно сказать, что условия в этом лагере были намного хуже, чем в лагере военнопленных в Магдебурге. В лагерях в 30-е годы были установлены тяжелейшие условия, не соблюдались элементарные человеческие права, применялись суровые наказания за малейшие нарушения режима.

Раньше я читала о том, что родственники репрессированных по тем или иным причинам публично отказывались от своих близких. Но я никогда не думала, что подобное было и в нашей семье. В газете «Призыв» за 15 декабря 1930 года я нашла маленькую заметку: «Я, гражданка ИONOBA H.B., проживающая в г. Владимире, порываю связь со своим отцом Ионовым B.A. и живу самостоятельно». Эти несколько строчек произвели на меня сильное впечатление. Жутко было осознавать, что дочь на весь город и даже область заявила о том, что отказывается от своего отца. В декабре 1930 года Нине Ионовой было уже 16 лет и нельзя сказать о том, что она не понимала, что делает. Видимо этот поступок был достаточно осознанным. Хочу только добавить, что Нина Васильевна ИONOBA в последствии уехала в Москву, выучилась и стала, как говорят, очень неплохим врачом.

Сын Василия Алексеевича Валентин тоже уехал из Владимира. Ни Нина, ни Валентин больше во Владимир никогда не возвращались. Все три года, пока Василий Алексеевич отбывал назначенный ему срок, в родном городе его ждали только вторая жена Валентина Михайловна и маленькая дочь Надя.

Первые реальные воспоминания моей бабушки об её отце относятся ко времени его возвращения из лагеря. При воспоминании об этой первой встрече у бабушки на глазах всегда появляются слёзы. Перед ней стоял высокий, седой как лунь мужчина, с тёмными, чужь посеребрёнными усами. Он был в каком-то пальтишке с поднятым воротником, а в красных от холода и дрожащих от волнения руках, у него был маленький обшарпанный чемоданчик, который он перекладывал из руки в руку.

Василий Алексеевич стоял и молчал, а из глаз градом текли слёзы.

После отбывания наказания, Василий Алексеевич вернулся в родной город, но тут выяснилось, что во Владимире для него нет работы. Его как бывшего заключённого и «контрреволюционера» нигде на работу не брали. Мой прадед делал все, чтобы не быть обузой для своей семьи, но обстоятельства были сильнее его. В итоге он смог найти работу только вдалеке от Владимира, в небольшом посёлке в Московской области.

К моему великому сожалению, никаких документов об этом периоде жизни Василия Алексеевича я найти пока не смогла. Но по воспоминаниям моей бабушки Надежды Васильевны я знаю, что на свободе мой прадед пробыл совсем немного, чуть больше года. Я уже очень подробно рассказала, за что отбывал свой первый срок Василий Алексеевич. Зная это, не сложно

предположить, что и второй раз он был арестован тоже только за то, что был из «бывших», уже ранее отбывал наказание по 58 статье. В 1935 году Василия Алексеевича вновь арестовали и дали 10 лет по всё той же 58 статье.

... Василий Алексеевич не отбыл полностью назначенный ему срок. Спустя восемь лет, в конце мая 1943 года он был выпущен из лагеря домой абсолютно больным, полумёртвым от туберкулёза. После возвращения домой он прожил только полторы недели.

После второго ареста Василия Алексеевича, владимирское ОГПУ несколько раз забирало и его жену Валентину Михайловну и её мать Наталью Яковлевну, предъявляя одно единственное требование – сдать золото, которое, как они думали, всё ещё хранится у родственников бывшего владимирского предпринимателя. А, учитывая, что в семье был маленький ребёнок, их брали по очереди. По воспоминаниям моей бабушки это происходило так. В окно квартиры, которую они снимали в то время на улице Зелёной, стучат. Ещё очень рано, поэтому совсем темно и почти ничего не видно. Валентина Михайловна открывает дверь, на пороге несколько мужчин. Они о чём-то тихо говорят и что-то показывают. Валентина Михайловна начинает одевать мою бабушку, одевается сама, берёт узелок, который постоянно лежит на комод у входа в дом, гасит свет, запирает дверь, берёт крепко за руку свою маленькую Надю, и они идут. Идут долго, проходят всю большую улицу и останавливаются у огромного, по её детским меркам дома. Входят в него и попадают в небольшое помещение, битком, набитое народом, в основном женщинами и стариками. Постоянно открывается тяжёлая дверь, ведущая в глубь здания. Из-за неё выходит человек в форме и выводит кого-то... В очередной раз, открывается эта дверь, на пороге военный, а за ним маленькая старушка, вся в тёмном, с узелком в руках. Мама бабушки подходит к этой старушке – это её мать Наталья Яковлевна Кондратьева. Ни слова не говоря, она вкладывает маленькую детскую ручку моей бабушки в сморщенную старческую руку Натальи Яковлевны, а сама с военным скрывается за той тяжёлой дверью, ведущей в неизвестность. Девочка Надя со своей бабушкой возвращается тем же путём в свою маленькую комнатку на Зелёной улице, ожидать следующего визита людей в форме...»⁹

Про возможные судьбы других участников нашего хора Сергей Владимирович Бирюков пишет так: «Скорее всего всех их постигла судьба похожая на судьбу моего деда и Василия Ионов. Они пришли домой в 1933 году. Потом в 1937 их снова арестовали и отправили либо в лагерь, либо расстреляли...».

Алтарником в храме в это время служил Крашенинников Сергей Александрович. Он тоже жил у Платоновых в 1930 году. В воспоминаниях сестры Сергея Александровича — Марии Александровны так описывается время, проведенное Сергеем во Владимире:

«Сережа родился на Сергиев день 1914 года. На осеннего Сергия. Сначала его определили учиться в Москве ... он уехал во Владимир. Причем он попал к ним в очень трудное время, когда были карточки, папу нашего первый

раз посадили, мама не могла помогать совсем и тетя Нюта [*имеется в виду жена Ивана Ивановича Платонова - в девичестве Крашенинникова Анна Ефимовна, дочь фабриканта Крашенинникова, который в своё время организовал фабрику в Петушках*] совершенно героически делила все поровну между своими двумя дочерьми-близнецами и Сергеем, совершенно ни в чем его не урезая. Там он был алтарником, очень любил там храм, там был изумительный о. диакон, перед которым он преклонялся, и вот там ужасное: он был свидетелем, как их всех арестовали и всех расстреляли. Мама говорила: «Я вдруг увидела, как Сергей может плакать. Он пережил такую трагедию расправы с церковью во Владимире...»¹

Сергей Александрович потом прожил ещё долгую жизнь. Стал профессором Московского химико-технологического института. Преставился ко Господу он в 1998 году.

Его сын Владимир пишет: «К сожалению о времени, когда отец был во Владимире, он очень мало рассказывал. Наверное уж слишком тяжелое было время о котором и вспоминать не хотелось. Он очень любил и уважал Анну Ефимовну - свою тётушку, которая приняла его в эти отчаянные годы. Именно в эти пару лет он закончил Владимирскую девятилетку, что позволило несколько позже поступить в менделеевский институт. Благодарность и любовь к Анне Ефимовне, дружба с её девочками - вот об этом рассказы и воспоминания в семье.»

По разным данным, служение в храме прекратилось в период между 1930 и 1934 годами.

В годы Великой Отечественной войны храм переделали в тюрьму. После войны здесь содержались немецкие военнопленные. В 1949 году лагерь был упразднён, а в здании церкви оборудовали обувную фабрику. В этот момент церковь ещё сохраняла изначальный интерьер и свой иконостас, созданный в 1812 году на пожертвования семьи героя Первой Отечественной войны Дмитрия Николаевича Голицина. Родственники похоронили его на кладбище при нашей церкви.

В 1960 году здание Вознесенской церкви было взято под государственную охрану как памятник республиканского значения.

Непосредственно перед передачей государством храма Церкви его помещения так и использовались под цеха обувной фабрики.

24 мая 1990 года, в день празднования престольного праздника Вознесения Господня, храм освятил архиепископ Владимирский и Суздальский Валентин.

Сохранились фотографии некоторых участников хора церкви Вознесения во Владимире¹.

**Платонов Иван
Иванович**

**Журба Трофим
Максимович**

**Ионов Василий
Алексеевич**

**Фруктов Дмитрий
Иванович**

**Серкин Александр
Григорьевич**

**Фирсов Михаил
Трофимович**

Клопов Павел Иванович

**Трусов Николай
Иванович**

**Темтюгов Михаил
Александрович**

**Григорьев Василий
Николаевич**

**Покровский Николай
Сергеевич**

**Никитин Николай
Георгиевич**

К сожалению нам не всегда удаётся уразуметь спасительные цели, с которыми Господь временами попускает такие страшные гонения на Церковь. Многие ли из нас хотя бы стремятся понять это? Ведь не бессмысленно же это было попущено Богом. Есть такое мнение, что эти церковные нестроения, расколы и гонения двадцатого века в нашей Церкви произошли и были попущены по той же причине, что и иконоборческая ересь восьмого века - по причине такого сильного срастания Церкви и государства, которое уже вопиюще нарушало Апостольские Правила и Постановления Вселенских Соборов, то есть Каноны Церкви.

Давайте же помнить ответ отца Феодора Андреева, известного Петроградского проповедника, мучителям на допросе в 1928 году. Они старались красочно изобразить ему все «прелести процветания Церкви, признанной коммунистической властью и пользующейся свободными правами».

- Не надо нам ваших советских прав, оставьте нам святое наше бесправие.

Так ответил отец Феодор.

Упокой, Господи, души усопших рабов Твоих: отца Михаила, Иоанна, Василия, Сергия и всех клириков и прихожан нашего храма, Христа ради исповеднически пострадавших.

Источники информации:

1. Бирюков С.В. Статья "Из пропасти забвения". <http://www.pravilim.zachalo.ru/iz%20propasti%20zabvenia.htm>
2. Газета Призыв. 28.10.1930 г., № 239 (3261)
3. Боль и память. Книга памяти жертв политических репрессий Владимирской области <http://www.avo.ru/region/memory-book>
4. База данных «Жертвы политического террора в СССР» <http://lists.memo.ru/>
5. Орехов Д. «Русские святые XX столетия» Санкт-Петербург. 2009
6. Ленин. Письмо членам политбюро от 19 марта 1922
7. Приказ ОГПУ о мероприятиях по ликвидации кулачества как класса. № 44/21 от 2.02.1930 г.
8. Новомученики и Исповедники Русской Православной Церкви XX века. База данных ПСТГУ. Факультет ИПМ.
9. Екатерина Ремезова «И сказал я в сердце своём...» <http://urokiistorii.ru/1383>